

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Артема Андреевича Попова «Военно-морская политика кайзеровской Германии в немецкой и британской историографии 1918-2010 гг.», представленной к защите в диссертационный совет Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ВГБОУ «Тюменский Государственный Университет» на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Представленная к защите диссертация посвящена весьма сложной историографической проблеме диалектики взаимодействия военно-морской политики Германии и Великобритании накануне Первой мировой войны. Проблематика эта рассматривается в перспективе вековой историографической традиции обеих стран вплоть до наших дней. Это взаимодействие было частью складывания блоков накануне Первой мировой войны и гонки военно-морских вооружений. В рассматриваемый период имела место беспрецедентная гонка вооружений на море, которая в целом получила довольно полное освещение в историографии, особенно в части англо-германского военно-морского соперничества. Последнее, собственно, и было главным фактором гонки вооружений на море. В эволюции обширной историографии германо-английской военно-морской гонки вооружений можно установить алгоритмы, что, собственно и было задачей диссертанта. Эти алгоритмы Артем Андреевич выявил и сформулировал соответствующим образом выводы, касающиеся ключевых поворотных моментов в этой эволюции. Существенным вкладом диссертанта является комплексное (как с немецкой, так и с английской стороны) исследование германо-английского морского соперничества, осуществленное на широкой историографической базе. В главах этот анализ осуществлялся параллельно, что кажется не очень удачным решением – порой при переходе от описания немецких и английских позиций в оценках упомянутого соперничества даже нет простой отбивки, просто напрашивалась более подробная рубрикация.

Хотя самый важный и, похоже, неразрешимый вопрос ответственности за войну так и остался открытым, но многие детали наиболее «загадочного» соперничества между Великобританией и Германией автором выявлены и достаточно внятно растолкованы в процессе рассмотрения точек зрения английских и немецких историков. Разумеется, в этих точках зрения долго не было большого разнообразия – одна сторона винила другую в агрессивности, давлении, экспансии, нарушении сложившегося баланса сил. Поэтому перед автором стояла довольно сложная задача отыскания нюансов и различий, которые в течении века формировали историографическую традицию обеих стран. В ходе этой работы автор, что важно отметить, ввел в отечественный

научный оборот новые историографические исследования, посвященные упомянутому соперничеству. Это придает работе искомую научную новизну.

На первый взгляд кажется, что военно-морские флота и в Первую и во Вторую мировые войны не сыграли сколь-нибудь значительной роли, поэтому внимание в проблемам военно-морской истории может представляться преувеличенным по той причине, что флота не сыграли важной роли в развитии военных действий или, по крайней мере, не сильно их обусловили. В самом деле активных военных действий на море, сравнимых с жуткой мясорубкой сухопутной войны, по существу не было.

Зато военно-морская проблематика была центральной в некоторых эпизодах соперничества накануне войны. О сохраняющемся живейшем интересе к этому соперничеству свидетельствует относительно недавняя публикация шотландского историка Нейла Фергюссона о причинах войны (в немецком переводе: Ferguson N. Der falsche Krieg. Die erste Weltkrieg und das 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2002). Этот текст интересен тем, что, как и книга немецкого историка Фрица Фишера «Рывок к мировому господству» ставит вопрос об ответственности за войну своей страны.

Фергюссон рассуждал так, что если бы в 1914 г. германцы не нарушили нейтралитет Бельгии, это сделали бы англичане, таковы были их военные планы. То есть нарушение немцами нейтралитета Бельгии нельзя считать английским мотивом к войне. Вопрос о колониях также нельзя считать ключевым в развитии германо-британской политики. Черчилль не раз повторял, что "мы не являемся врагами немецкой колониальной экспансии". Даже Грей говорил, что Великобритании все равно, кто будет ее соседкой в Африке – Франция или Германия. Заблуждением является мнение о том, что ключевым в англо-германских противоречиях были флотские дела и крупное германское военно-морское строительство. Обе стороны склонны были к соглашениям о размере флотов – варианты ограничения морских вооружений появлялись один за другим. Артем Андреевич вполне доказательно подтверждает на сравнительном анализе немецкой и английской историографии, что в самый значительный отрезок времени – за два года до начала войны в англо-германском соперничестве царил «полный штиль».

Почему же не состоялось соглашения? Обычно считается, что немцы ставили условием непременный британский нейтралитет в случае немецко-французской войны, но это только половина правды... На самом же деле предложения Бетман-Гольвега были вполне приемлемы. Дело скорее в том, что британский МИД в 1905-1916 гг. Эдуард Грей полагал, что в случае победы Германия станет преобладающей имперской державой на всем европейском континенте и в Малой Азии. В самом ли деле это так? Имел ли кайзер претензии Наполеона? Школа Фишера считает, что намерения Германии были в самом деле столь же радикальными, как их представляли противники Германии во время Первой мировой войны. Иными словами, по мысли Фишера, война была попыткой Германии осуществить свою гегемонию в Европе. Фергюссон против такого мнения: Во-первых, ни

милитаризм, ни империализм, ни тайная дипломатия не делали войну неизбежной. В колониальных вопросах и флотских делах Великобритания и Германия могли вполне урегулировать свои разные подходы. До заключения союза Великобритании с Германией дело не дошло только по той причине, что Германия, в отличие от Франции, России и Японии, не представляла никакой угрозы для английских интересов по всему миру. В союзе было легче сохранять статус-кво...

Во-вторых, немецкое выступление в 1914 г. не было "рывком к мировому господству" (как считал Фишер), а просто проявлением слабости. Немецкие правящие круги проигрывали гонку вооружений: соотношение тоннажа торгового и военного флота английского и немецкого составляло 2,1:1. Соотношение наземных сил Германии и ее союзников с силами России, Франции, Сербии и Бельгии было 1:2,5. Немецкая федеративная система государственного устройства не позволяла сконцентрировать все силы на военное производство. Так, в 1913-14 гг. Великобритания тратила на подготовку к войне 3,5% брутто-социального продукта, Франция - 3,9%, Россия - 4,5%. Если бы Германия была бы такой же милитаризированной страной как Франция и Россия, ей не нужен был бы план Шлиффена - рискованный во многих отношениях, она могла бы легко держаться на двух фронтах - особенно если учесть легендарно превосходные качества немецкой пехоты.

Трудно отказать в логике таким суждениям Фергюссона.

В самом деле, самые крупные немецкие политики XIX-XX веков Бисмарк и Гитлер были безусловными европоцентристами. Единственное исключение из крупных немецких политиков XIX-XX вв. составлял Вильгельм II, который и развивал в рассматриваемый период доктрину *Weltpolitik*. Эта доктрина на поверку оказалась ложной, поскольку ничего, кроме политических проблем и финансовых потерь колониальная политика не принесла никому. Единственным значительным мотивом колониальных приобретений были честолюбивые мечты о заморских владениях, национальной экспансии в самом широком смысле слова, от планов на которую захватывало дух и пленило воображение политиков, интеллигенции, офицеров, чиновников. Колониализм был по существу коллективным сумасшествием влиятельных политических кругов в Европе. Артем Андреевич совершенно прав в том, что хотя у Германии долгое время не было колониальных амбиций, но флот ей был нужен для поддержания престижа.

Колонии, однако, представляли только один аспект последствий активной военно-морской политике. Гораздо более важным было другое - в Первую мировую войну именно благодаря превосходству на морях союзникам по Антанте удалось установить весьма эффективную военно-морскую блокаду, которая по своей эффективности была почти равна блокаде Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Эффективность блокады, а не военное поражение Германии, собственно, и было главной

причиной того, что немцы признали себя побежденными в 1918 г.. Во Вторую мировую войну также сохранение морских торговых путей сыграло главную роль в конечной победе Антигитлеровской коалиции.

Таким образом, несмотря на внешне «маргинальное» положение проблемы флотского соперничества, оно имело важное значение. Именно ради последовательной реализации создания наиболее полной картины соперничества Германии и Великобритании в военно-морском строительстве Артем Андреевич первоначально характеризовал воззрения и планы Альфреда Тирпица и его ближайших сотрудников, показал основные черты политики военно-морского ведомства Германии в разные эпизоды англо-германского сотрудничества (или попыток договориться о размерах флотов) или соперничества.

Историографическая база диссертации производит самое благоприятное впечатление – масштабы задач диссертанта целиком соответствуют корпусу рассматриваемых исследований самых разных масштабов. Прежде всего следует отметить, что Артему Андреевичу удалось привлечь многие оригинальные немецкие и английские исследования по проблемам военно-морской политики, которые впервые введены в научный оборот. Автор довольно активно цитирует в диссертации зарубежные (особенно важны и активно использовались автором публикации дипломатической переписки) и отечественные публикации документов – в отношении публикации самых важных источников дело в Германии поставлено в самом деле на широкую ногу. В диссертации дана детальная классификация историографии военно-морского соперничества, что свидетельствует о глубоком знании автором этого предмета. Также в диссертационном исследовании используются мемуары государственных, военных и военно-морских деятелей Германии и Великобритании. В оценке субъективности такого рода источников автор делает весьма отрадное замечание, что они дают возможность отойти от сухих социологических схем, делающих человека простым объектом развития. В самом деле, личность также может активно влиять на ход истории, меняя её темп и ритм. Особенно это актуально в отношении мемуаров Альфреда Тирпица, которые дают уникальную возможность заглянуть на «кухню» немецкой военно-морской политики.

Таким образом, следует констатировать, что историографическая база исследования оказалась довольно обширной и разноплановой, что позволяет делать более обоснованные и точные выводы по теме диссертации.

Хронологические рамки диссертации вполне обоснованны, поскольку на протяжении целого века прослежена эволюция оценок военно-морского соперничества.

Оценивая методологию исследования, следует сказать, что автор декларировал необходимость цивилизационного подхода к объекту и

исследования, а также принцип историзма, системности и объективности. Дабы не вдаваться слишком далеко в сферу методологии и не придирается к формулировкам, следует сказать, что на практике автор использовал синтетический метод, прибегая в процессе анализа к подобающему инструментарию: диалектико-материалистический метод, структурно-системный подход, сравнительно-исторический метод и методология позитивизма, влияние которой особенно заметно в работе. Как писал некогда Анатолий Франс, не следует уподобляться сочинителям философских догм, а использовать их по мере надобности. Это единственно верный путь, поскольку понять что-либо в истории невозможно пользуясь только одной методологией (или идеологией), но также ничего не понять вовсе не прибегая к вполне определенным методологическим или идеологическим суждениям.

Основная часть диссертации открывается описанием организации исторической науки в Великобритании и Германии применительно к военноморской тематике. Это важная часть исследования, поскольку институциональный фактор в таком деле важен.

В последующих главах автор обращается сначала к эволюции историографии в межвоенный период и во Вторую мировую войну, а затем к послевоенному периоду. В последнем рубежом избран 1991 г. по понятной причине объединения Германии и вступления страны в новую стадию осмысления своего прошлого. Такое структурирование проблемы не вызывает возражений, поскольку помогает полнее раскрыть тему военноморского соперничества двух стран.

Обоснованность выводов диссертации не вызывает никаких возражений. Вместе с тем иные суждения диссертанта не могут быть однозначно приняты и нуждаются в уточнении.

Представляется, что постоянное повторение автором термина Второй рейх – это недоразумение: нацисты использовали термин «Третий рейх» в другом смысле: «первый» рейх – это запад с его ценностями и нормами, «второй» рейх – Восток и также со своими традициями, а Третий рейх – это нацистская Германия, занимавшая промежуточное положение между этими мирами. Именно в этом смысле Гитлер позаимствовал этот термин из названия книги Мёллера ван ден Брука.

На с. 23 автор сетует на отсутствие централизации и пишет, что это было протестом против политики республиканского правительства – это не так: в Германии всегда были сильны традиции партикуляризма, федерализма и академической автономии. Даже бисмарковское государство было скорее федерацией князей, чем унитарным государством.

На с. 26 сопоставляются (объединяются в идеологических предпочтениях) Эрнст Трельч и Освальд Шпенглер – это странно, поскольку Трельч был теологом и никаких идеологических предпочтений (кроме «идей 1914 г.») не имел, в отличие от одного из главных теоретиков

«консервативной революции» Шпенглера. К тому же, он умер в 1923 г., а речь о 1930-45 гг.

На с. 27 по неясной причине причисляется к сторонникам оправдания военно-морских устремлений немцев либеральный историк, выступавший противником Тирпица Герман Онкен, автор знаменитой биографии Лассала.

На с. 28 поминается легенда об «ударе ножом в спину», она рассматривала развал немецкого тыла как главную причину поражения Германии в Первую мировую войну. Не ясно, какое отношение она имела к военно-морскому соперничеству...

В той же главе речь о «приходе Вальтера Франка на пост главы немецкой истории», на деле он был лишь главой нацистского *Reichsinstitut für Geschichte neue Deutschland*, но историческая наука в университетах сохранила прежние высокие научные стандарты и унифицирована не была.

На с. 74 речь заходит о трансформации идеологии, но не объясняется, в чем это выразилось. На той же странице (и в других местах) сноски без указания страницы – в этом случае следует вставлять *passim*.

На с. 116 утверждается, что «точка зрения, что стороны несут равную ответственность за войну получила широкое распространение на просторах немецкой историографии». Как раз наоборот – после публикации монографии Фрица Фишера «Рывок к мировому господству» в 1961 г. постепенно в историографии и общественном мнении ФРГ прочно утвердилась «политкорректная» точка зрения о исключительно немецкой вине и ответственности. Со временем даже сформировалась теория о преемственности агрессии и империализма вильгельмовской Германии и Третьего рейха...

В целом представляется, что к теме оценки творчества Фрица Фишера автор диссертации подошел несколько некритически и вполне однозначно, не принимая во внимание немецкой «*political correctness*», которая безусловно вызывает уважение и достойна подражания, но не всегда справедлива. В самом деле, не менее агрессивные, чем у германцев намерения и планы имели и другие державы, поэтому ответственность и вину за Первую мировую войну по всей видимости следует разделить между державами поровну. Другое дело, что из всех держав наиболее динамичной и внушавшей наибольшие опасения бесспорно была Германия.

В главе 3.2. «Новые акценты в трактовке флотского антагонизма...» автор на с. 129 приводит при перечислении работ, вышедших к 100-летию начала войны, приводит публикации, не имеющие никакого отношения к военно-морскому соперничеству. К примеру, письма с фронта пехотинца Эрнста Юнгера или монографию Отто Йенссена о Верденской битве...

Следует отметить, что в диссертации цитируются почти исключительно издания на языке оригинала, в то время как масса работ переведена на русский язык – к примеру, Джеймса Джоза (Истоки Первой мировой войны), Джона Кигана (Первая мировая война), биография Гинденбурга Вольфганга Руге, даже мемуары Тирпица.

При чтении о диссертационного исследования возникает ощущение чисто позитивистского подхода автора – бесчисленная череда авторов, часто не сильно отличающихся друг от друга, мелкие нюансировки в их взглядах и пр. Может быть, автору на будущее посоветовать более обращаться к проблемному подходу в изложении материала, что «оживит» нарратив.

Указанные замечания не влияют на обоснованность выводов диссертанта и степень их достоверности, которые не вызывают сомнений. В целом, несмотря на этот перечень замечаний, работа заслуживает высокой оценки, поскольку выполнена на хорошем уровне, снабжена адекватными выводами и будет несомненным приобретением для отечественной историографии этого вопроса. Диссертация Артема Андреевича Попова является научно-квалификационным исследованием, соответствующим п. 9–11, 13–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а диссертант достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09. – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Результаты исследования могут быть использованы для расширения общего курса по новейшей истории, историографии, для чтения специальных курсов по истории Германии, Великобритании и истории международных отношений.

Автореферат диссертации и опубликованные труды раскрывают содержание диссертации.

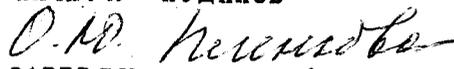
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

О.Ю. Пленков.

18 октября 2019 г.

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

ЗАВЕРЯЮ

18 ОКТ 2019